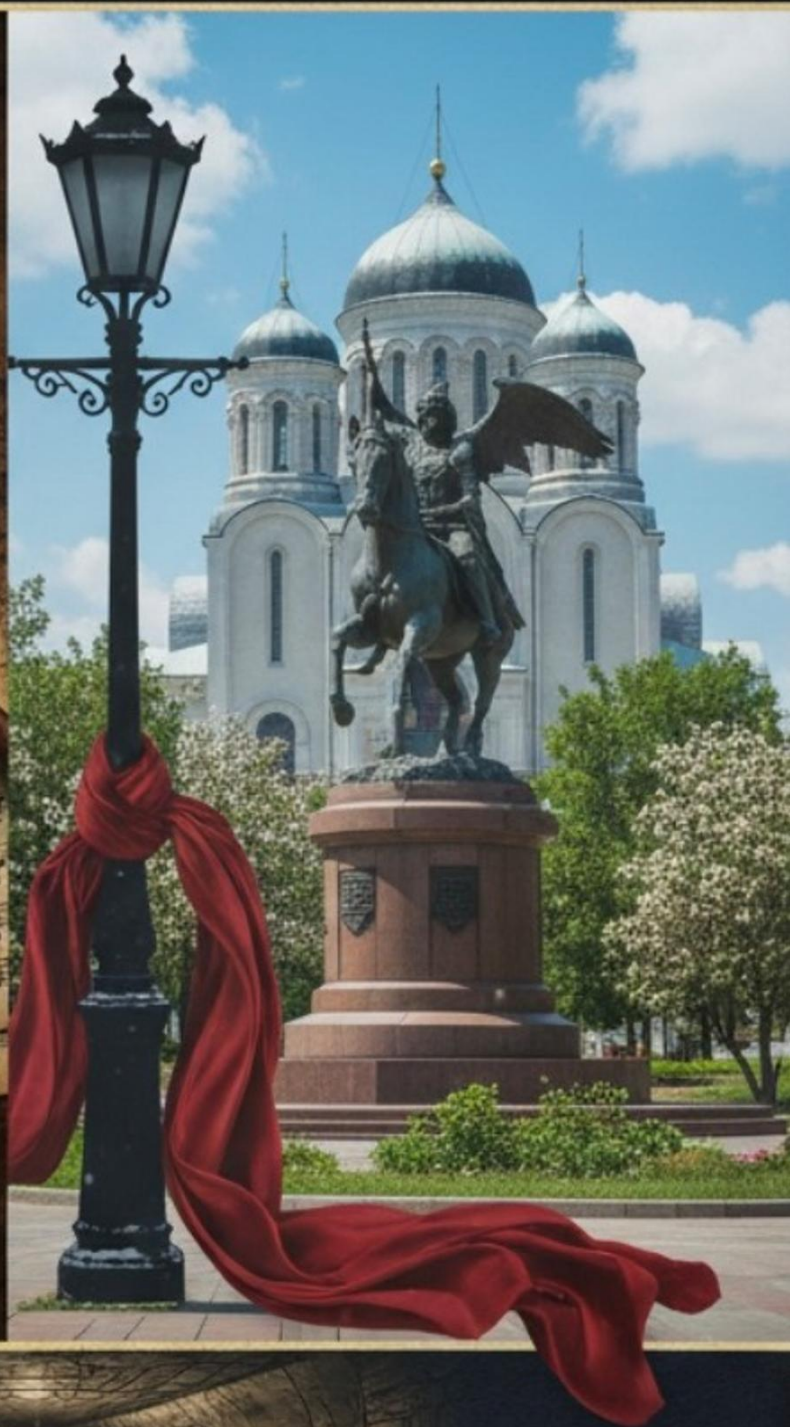
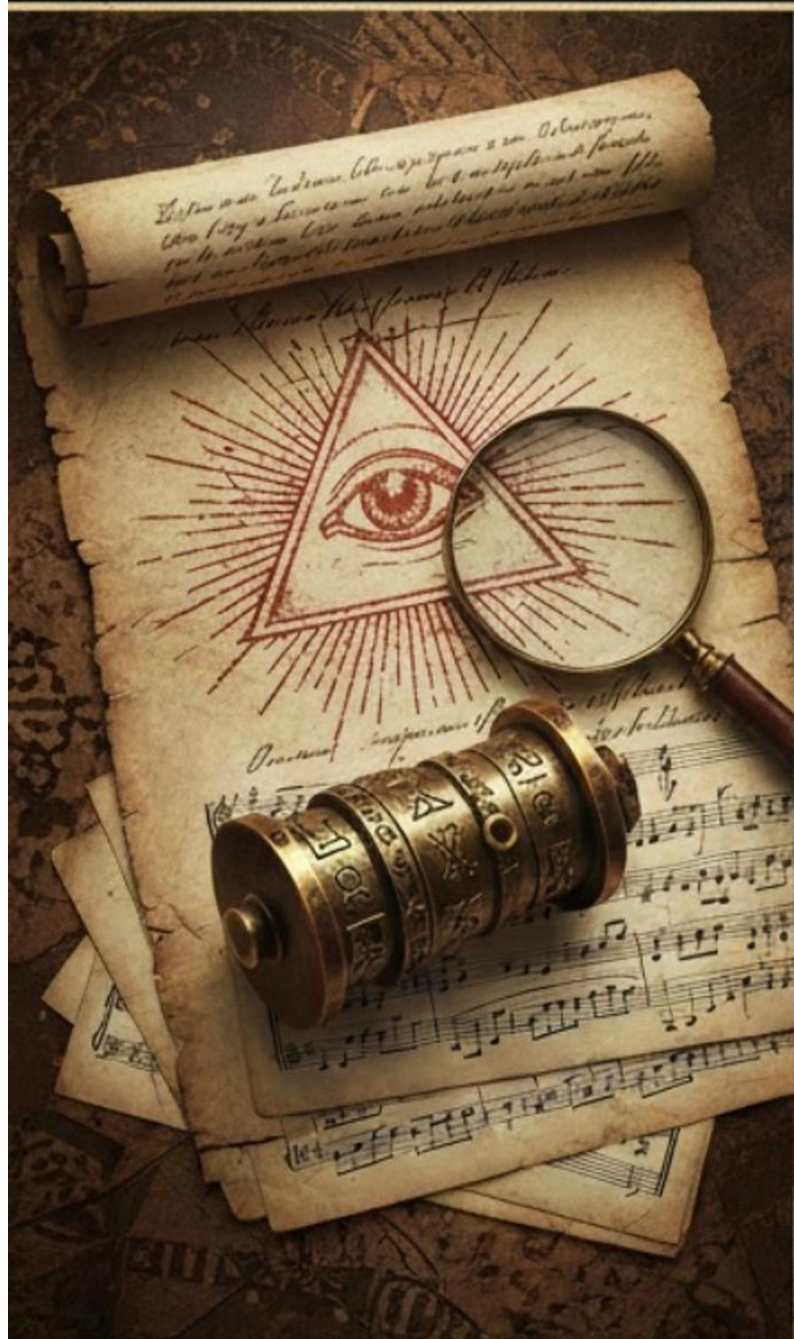

ШЁЛКОВЫЙ ШАРФ

ОЛЕГ ФАЙХНЕР

Олег Файхнер
Шёлковый шарф

«Автор»

2026

Файхнер О. В.

Шёлковый шарф / О. В. Файхнер — «Автор», 2026

«Шёлковый шарф» — историко-детективная повесть, действие которой разворачивается в 1909 году. Василий Громов, выпускник Московского университета, случайно обнаруживает в архиве рукопись своего предка — участника Пугачёвского восстания. Необычный символ и скрытый шифр превращают находку в отправную точку опасного и увлекательного поиска. Вместе с профессором Орловым он отправляется в Уральск, где загадки прошлого, музыка, числа и знаки постепенно складываются в единую тайну, хранившуюся более ста лет.

© Файхнер О. В., 2026

© Автор, 2026

Олег Файхнер

Шёлковый шарф

«ШЁЛКОВЫЙ ШАРФ»

Дорогой читатель, прежде чем начать свой рассказ, я хочу убедиться в том, что эта книга находится в надёжных руках и недоступна для посторонних глаз. Хотя описанные здесь события произошли много лет назад, информация о них до сих пор не подлежит огласке. Даже сейчас, вспоминая обо всём, я будто заново оказываюсь в тех местах, о которых пойдёт речь.

Мне же остаётся предупредить: выбор за вами. Если вы воспримете её лишь как рассказ, то я желаю вам насладиться чтением. Но если осмелитесь пройти весь этот путь вместе со мной, шаг за шагом, от начала до конца – обещаю, вы не пожалеете.

События, о которых пойдёт речь, произошли в 1909 году.

08 ИЮНЯ. АРХИВ.

Той ночью Москва дремала под покровом серых туч, а июньский дождь мерно стучал по черепице, отливая серебром в свете фонарей. Я же, Василий Петрович Громов, недавний выпускник, оставленный при кафедре криминалистики Московского университета для подготовки магистерской диссертации, в очередной раз провёл всю ночь в архиве Министерства юстиции, изучая материалы о Пугачёвском восстании. Выбор этой темы для диссертации был отнюдь не случаен – корни его уходили в моё детство.

Рос и воспитывался я у своей бабушки – Антонины Громовой, женщины редкого ума и благородства. Помимо прочего, она была настоящей хранительницей семейных преданий и потому часто рассказывала о наших предках. Но особенно мне запомнилась история о Петре Громе. Он был в числе ближайших соратников Пугачёва, – говорила бабушка. – Одним из тех немногих, кому атаман доверял безоговорочно. Поговаривали, что сам Емельян советовался с ним в самых важных делах, ведь Пётр стоял у самого истока крестьянского восстания.

Эта история произвела на меня глубочайшее впечатление. Неужели в моих жилах течёт кровь человека, стоявшего рядом с самим Пугачёвым? Я жаждал узнать о нём всё, чтобы понимать, к какому роду я принадлежу: мятежников или борцов за справедливость и как обстояли дела в действительности: преследовал ли тот бунт благую идею, или же целью были лишь грабёж и нажива.

Узнать всю правду я мог, лишь получив полный доступ к закрытым архивам со всеми материалами, какой и предоставляла мне диссертация на тему «Крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачёва».

Однажды, разбирая рукописи, я наткнулся на очередной документ.

Это была летопись, в которой подробно описывалось вступление пугачёвского войска в Яицкий городок, составленная в 1773 году. Автор изложил хронологию того дня, численность войска, пройденное расстояние, захваченные трофеи и провизия. Я уже собирался отложить документ, как вдруг, в самом низу заметил подпись: «Летописец Пётр Громов».

Мой прапрадед! Я почувствовал бешеную пульсацию в висках, а сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Протерев глаза, словно пытаясь опомниться от миража или видения, я снова взгляделся в текст. Да, это действительно был он. Но ещё больше поразило другое – в правом нижнем углу листа был изображён знак: глаз в треугольнике. Масонский символ! Он явно не мог появиться без причины. Это было послание, указание на то, что текст крайне важен и содержит нечто большее, чем просто описание событий.

Интеллектуальный азарт, почти лихорадка, овладел мной. Я огляделся по сторонам. Через один стол, слева от меня, свесив голову на грудь, спал студент. Впереди, за стойкой регистрации и выдачи документов, попивая чай, сидел седой старичок, увлечённый чтением газеты.

Я бережно вложил документ во внутренний карман пиджака, а остальные сложил в папку и направился к стойке, мысленно молясь, чтобы пропажа рукописи не была замечена. К моему величайшему облегчению, старик даже не обратил на меня внимания и лишь указал пальцем в сторону полки, дав понять, чтобы я положил всё на место.

Меня мучило чувство стыда за мой поступок, ведь вынос документов из архива был под строжайшим запретом, и подобные действия шли вразрез с моей привычкой к порядку и соблюдению процедур. Но я знал, что сейчас это единственное верное решение, которое способно приоткрыть завесу тайны и дать ответ на вопросы, терзающие меня много лет. Я также знал, что помочь в этом мне мог лишь тот, кто как никто другой разбирался в подобных вещах – мой наставник, Дмитрий Сергеевич Орлов.

Выйдя на улицу, где всё ещё моросил дождь, я тотчас поспешил к его дому кратчайшим путём, стараясь не позволить влаге испортить драгоценный документ.

Дорога заняла около десяти минут. Пока я шёл, сквозь рассеивающиеся тучи, уже начали проступать первые лучи солнца. А значит, сейчас было около шести часов утра. Подойдя к знакомой двери, я нетерпеливо постучал. И хоть мне было жутко неудобно за столь ранний визит, но я успокаивал себя двумя мыслями в своё оправдание. Во-первых, я был уверен, что моя находка непременно заинтересует самого Дмитрия Сергеевича. А во-вторых, мне было известно, что он привык обходиться всего четырьмя часами сна, а потому, вероятнее всего, уже бодрствует.

Наконец, послышались шаги, и дверь отворилась. Дмитрий Сергеевич стоял на пороге в домашнем халате, но выглядел собранным и бодрым.

– А вы ранняя пташка, Василий, – сказал Орлов с улыбкой. – Входите, входите же, не стойте под дождём!

Когда я зашёл, он внимательно осмотрел меня с головы до ног – должно было, на моём лице явственно отражались нетерпеливость и волнение.

– Надеюсь, то, с чем вы так поспешно пожаловали ко мне, стоит того, чтобы пренебречь свойственной вам аккуратностью? – спросил он, не переставая улыбаться.

Я замер. Он кивнул на мои ботинки:

– Грязь не с мостовой – рыхлая. К тому же, если человек идёт через типографский двор, чтобы срезать путь, а не по мощёной Никольской улице, это говорит о том, что он очень торопится. Иначе зачем жертвовать полировкой обуви? Видите ли, листья, прилипшие вместе с грязью, имеют тонкие зубчатые края. Несомненно, это клён ясенелистный. А по пути от архива, где вы, как я понимаю, провели ночь, до меня он растёт лишь в одном месте – во дворе типографии, что находится неподалёку.

– Что же, выкладывайте уже, что там у вас?

– Профессор! – воскликнул я. – У меня для вас кое-что, что, я уверен, вас весьма заинтересует!

В подтверждение своих слов я выложил на стол ветхую, потемневшую от времени рукопись.

Он с любопытством взял её в руки. Его глаза скользили по строкам, и я увидел, как выражение его лица стало сосредоточенным. Он принялся читать её вслух, не торопясь, будто взвешивая каждое слово:

– «Встали мы войском вдоль русла Яика, что мудрость в себе веками хранит. В двадцать девять колонн по двенадцать шеренг, предвкушая победы сладостный миг. И купол собора был словно знак, который дорогу решил нам открыть. Прошли мы семь вёрст, но нам предстояло ещё двадцать шесть до града пройти. Тогда, шестьдесят казаков мы послали, велев им с крестьянами поговорить. Шли мы наш путь, ни много ни мало шесть часов и тридцать минут, пока не достигли места привала – чтоб силу в себе к рассвету скопить. Лишь око небесное взор свой открыло, под тенью Яицкой стояли стены. Семьдесят девять урядников – с тыла, и к ним

на подмогу ещё приказных. Через ворота – двести девятнадцать смелых казака...» – Он вдруг оторвался от текста и поднял взгляд на меня.

– Василий, присаживайтесь, не стойте. – Орлов похлопал рукой по стулу рядом, затем с лукавой улыбкой добавил: – Вы же не думаете, что я один должен с этим разбираться? Раз уж вы сделали меня соучастником, будьте добры разделить эту ношу со мной.

Я кивнул и придвинул стул ближе. Орлов продолжил чтение:

«под лязги металла, под пушечный грохот. Налёт был стремителен, как полёт сокола. Под бравые речи, ворвались мы в город. Крестьянами наполнилось войско лихое, за дело благое, за веру и правду. Бой затяжной был, печально-кровавый. Бой, чтоб свободу постичь, бой за славу! И словно не день миновал, а полгода – сто двадцать три дня, или несколько лет. Но, за манящее слово – «свобода», стоит сражаться хоть сто пятьдесят лет. Вот пепел осел, сквозь копоти дыма собирались на площади наши войска. Живыми вернулись из отряда Гаврилы, семьдесят семь удалых казака. Тридцать четыре – из отряда Архипа, что шёл с рваной раной на правой руке. Вот семьдесят восемь – Платон во главе, верхом на своём верном коне. Восемьдесят четыре, нет, восемьдесят три – те, что с тыла были, уцелеть смогли. Триста тринадцать крестьян к нам примкнули, да казаки, пополняя войска. Вдоволь провизии – свиньи и куры, и рыбы, что так щедро нам дарит река. Сто двадцать четыре налима, вдобавок – триста четыре чехни, И ещё мешки: триста тридцать три – крупы, триста двадцать шесть – муки. Двести девяносто один литр – молока. Триста двадцать девять – кваса, триста двадцать два – вина. На камне огромном, точно на троне – воссел Емельян, и как свою паству Ведя за собою, он слово глаголил, как к равным себе, своему братству. И каждый поверил, выслушав речи, на что мы способны, лишь когда вместе. У собора Архангела песнь мы воспели, и ноты запечатлели той песни. Летописец Пётр Громов».

Он вопрошающе посмотрел на меня:

– Пётр Громов? Это, случаем, не тот самый ваш родственник, про которого вы мне говорили?

– Так и есть, Дмитрий Сергеевич. Я нашёл его! Это мой прапрадед.

– Поздравляю вас, мой друг. – Взгляд его вернулся к документу, и он коснулся пальцем правого нижнего угла:

– Ааа... Всевидящее око. Полагаю, оно и стало причиной столь раннего визита? – с улыбкой произнёс он, изучая документ.

– Да, как только я понял, что это за знак, я тут же решил показать рукопись вам.

– Правильно сделали. – Орлов склонился над документом. – Это действительно заслуживает внимания. А вот это особенно интересно... – Он указал на две строки цифр над треугольником. – Двадцать четыре числа. Семь, девятнадцать, двадцать, два, шесть, три... Может быть, даты? Или что-то иное? – Дмитрий Сергеевич постучал пальцем по столу. – Нужно разобраться.

Он задумался, всматриваясь в последовательность:

– Небольшие значения... Возможно, это буквы алфавита? Седьмая – «Ё», девятнадцатая – «С»...

Вдруг, остановившись на мгновение, он добавил:

– Впрочем, нет. Алфавит в то время был совсем другим. – Он повернулся ко мне. – Василий, не могли бы вы подать мне с той полки книгу «Свод азбук и образцов кириллицы»? В разделе древнерусской литературы, если не ошибаюсь.

Я поднялся и нашёл нужный том среди плотно заставленных корешков. Орлов быстро пролистал страницы, отыскивая нужный раздел, затем провёл пальцем по строкам:

– Седьмая буква... «Ж». Девятнадцатая... «Т». Двадцатая... «У». Вторая... «Б». Шестая... «Е»...

Придвинув к себе блокнот, Дмитрий Сергеевич продолжил выписывать. Вскоре перед нами появился результат:

«Ж-Т-У-Б-Е-В-З-Р-Г-Н-М-Л-Ч-П-Ф-И-К-Х-С-А-Д-О-Ц»

Орлов откинулся на спинку кресла:

– Полная бессмыслица.

Я посмотрел на рукопись:

– А если это буквы не алфавита, а из текста? Седьмая буква летописи, девятнадцатая...

– Вполне может быть, – оживился Орлов, отложил книгу в сторону и взялся выписывать буквы.

Через минуту перед нами лежал новый набор:

«М-Л-Ь-С-И-Т-Ы-Д-А-О-К-С-Л-В-Р-В-О-Й-У-О-В-Л-М-С»

Он покачал головой:

– И это ничего не даёт.

Несколько мгновений он размышлял, затем глаза его заблестели:

– А если это не буквы, а порядок слов?

Дмитрий Сергеевич начал считать и записывать. Я наблюдал за его работой, но уже после нескольких слов стало ясно – снова бессмыслица.

– «Что», «шеренг», «предвкушая», «мы», «Яика»... – Он остановился, изучая результат.

– И снова тупик. – Он провёл карандашом по бумаге. – Из этих слов, конечно же, можно составить что-нибудь путное, читаемое... Но в любом случае это не имеет никакого смысла, ведь мы ровным счётом ничего не получим. Обратите внимание, что здесь нет ни одного слова, которое указывало бы на что-то конкретное. Ни места, ни знака, ни ориентира. – Орлов покачал головой. – Разгадка явно кроется в другом.

Несколько минут мы молчали. Я перечитывал летопись, пытаюсь найти подсказку, и вдруг заметил:

– Дмитрий Сергеевич! А ведь в самом тексте тоже встречается множество чисел! Двадцать девять колонн, двенадцать шеренг, семь вёрст... Быть может, они связаны с последовательностью над символом?

Орлов поднял голову, и глаза его загорелись:

– Bravo, коллега! Как я мог это упустить? – Он раскрыл чистую страницу блокнота. – Давайте их выпишем и подсчитаем. Если их окажется двадцать четыре...

– ...значит, они связаны с числами над знаком! – закончил я.

Дмитрий Сергеевич одобрительно посмотрел на меня и принялся за работу. Он водил пальцем по строкам летописи, отмечая числа:

– Двадцать девять... двенадцать... семь... двадцать шесть...

Я не сводил глаз с его руки, мысленно ведя счёт. Десятое... пятнадцатое... двадцатое...

Он продолжал работать, и с каждой новой цифрой моё напряжение росло. Двадцать второе... двадцать третье...

Дмитрий Сергеевич выписал последнее число и замер, глядя на страницу.

Мы переглянулись.

– Двадцать четыре! – выпалили в один голос.

– Ага... – произнёс он, энергично потирая руками. – Теперь попробуем применить их к тексту.

Орлов склонился над рукописью:

– Нам нужно найти двадцать девятое слово... Вот... «знак». Интересно. Далее двенадцатое... «хранит». Седьмое... «что». Двадцать шестое... «собора»...

Дмитрий Сергеевич быстро записывал, и я заметил, как лицо его стало непроницаемым, а брови заострились.

Когда он закончил, перед нами лежал список из двадцати четырёх слов. Он прочитал их вслух:

– «Знак, хранит, что, собора, наш, Яика, который, себе, на, сокола, постичь, силу, открыть, в, око, лишь, братству, под, собою, ноты, у, камне, песнь, способны».

Орлов откинулся на спинку кресла:

– Видите? Теперь у нас есть слова, указывающие на определённое место – «знак», «собор», «камень», «око». Однако проблема снова в том, что они стоят не на своих местах. Безусловно, можно предпринять попытку расставить их самим, но нет никакой гарантии того, что мы сделаем это правильно. Однозначно, нужна именно точная последовательность, ключ, иначе мы попросту потратим время. – Он задумался. – Впрочем, вполне возможно, что числа над знаком указывают, какие позиции взять из него.

– Седьмое слово... «который». Девятнадцатое... «под». Двадцатое... «собою». Второе... «хранит». Шестое... «Яика»...

Дмитрий Сергеевич выписал первые пять и остановился, изучая результат. Затем потёр переносицу:

– Нет, снова не то.

Какое-то время мы молчали. Перечитывая рукопись, я перебирал варианты, и вдруг меня осенило.

– Дмитрий Сергеевич, а что, если... – Я замолчал, обдумывая догадку. – Что, если числа над символом показывают не то, какие слова брать, а то, куда их ставить?

Он поднял голову:

– То есть?

– Смотрите: первое число над символом – семь. Значит, первое слово из нашего списка, «знак», нужно поставить на седьмую позицию в итоговой фразе. Второе число – девятнадцать. «Хранит» должно стоять на девятнадцатом месте. И так далее!

Его глаза загорелись:

– Это блестящая мысль, коллега! Давайте скорее проверим.

Дмитрий Сергеевич схватил карандаш. Я придвинулся ближе, наблюдая, как он лихорадочно расставляет их согласно последовательности. На странице начала появляться фраза. И когда он вписал последнее, мы оба застыли, вглядываясь в строки:

«У собора Яика на камне наш знак, который лишь братству под силу постичь. Сокола песнь в себе ноты хранит, что око собою способны открыть»

Тайна, хранившаяся более ста тридцати лет, наконец раскрылась.

Орлов резко поднялся из-за стола, будто не в силах усидеть на месте, и схватил меня за плечи. В глазах его горел огонёк не то азарта, не то одержимости:

– Теперь нам остаётся только выяснить, какую именно тайну хранит око.

– Отлично, Дмитрий Сергеевич! Тогда я займусь билетами.

Вечером следующего дня мы уже стояли на вокзальном перроне.

09 – 12 ИЮНЯ. ДОРОГА.

Ночь поглотила московские огни, и мерный стук колёс курьерского поезда уносил нас всё дальше на восток. Мой наставник, едва коснувшись ужина в вагоне-ресторане, принялся за чтение очередной газеты. Я же вглядывался в окно, где тянулись поля и перелески, а в воздухе вагона витал слабый запах угольного дыма.

Ранним утром поезд прибыл в Самару. На относительно небольшой станции стоял гул – торговки, предлагавшие прохладный квас и семечки, пытались перекричать здешних извоз-

чиков. После завтрака в привокзальном трактире мы пересели на поезд Самаро-Оренбургской дороги и продолжили путь.

Теперь перед нами открылась совсем другая картина. Бескрайние волны трав колыхались на ветру, в вышине голубого неба неумолчно звенели жаворонки, а уже привычный запах дыма смешивался с горьковатым ароматом полыни. От летнего зноя воздух над землёй дрожал маревом, а ночью степь погружалась в прохладную и почти звенящую тишину.

12 июня, ближе к полудню, мы прибыли в Оренбург. На залитом солнцем перроне толпились степенные купцы в длинных сюртуках и офицеры в белых кителях. Совершив короткую остановку для перецепки вагонов, состав вновь тронулся на восток.

К вечеру того же дня мы наконец прибыли в Уральск. Золотисто-багровый закат озарял улицы, на которых уже зажигались редкие огоньки. Выйдя на перрон и наняв извозчика, мы вскоре подъехали к гостинице «Россия». Здание было скромным, но добротным, с резными наличниками и прохладным каменным крыльцом. У гостиничной стойки нас встретил коренастый, широкоплечий мужчина лет пятидесяти, с широкой улыбкой и густыми усами.

– Гаврилов Яков Савельевич, хозяин этого заведения, – пробасил он. – Чем могу быть полезен, господа?

– Нам нужен номер на двоих, – ответил Дмитрий Сергеевич. – На несколько дней, если вы не возражаете.

Хозяин коротко кивнул и, взяв из-за стойки массивную связку ключей, вручил нам один из них. Затем он обратился к молодой девушке в тёмном переднике, с туго зачёсанными светлыми волосами:

– Аннушка, проводи господ в номер.

Мы последовали за ней, поднимаясь по скрипучим ступеням.

Комната оказалась очень простой: в противоположных углах стояли две кровати, по центру располагался небольшой стол, а у стены – массивный дубовый шкаф. Однако этого было более чем достаточно.

– Довольно уютная гостиница, не находите? – заметил профессор. – Несмотря на то, что её содержат всего два человека.

– И эти два человека – родственники, – произнёс я, не удержавшись от улыбки. – Хозяина гостиницы зовут Гаврилов Яков Савельевич. А на переднике девушки я увидел инициалы, вышитые золотой нитью – Г.А.Я. Значит, её зовут Гаврилова Анна Яковлевна, следовательно, она его дочь.

Мой наставник одобрительно похлопал меня по плечу.

– Молодец, Василий. Абсолютно верно подмечено. – Он помолчал мгновение. – А теперь, если вы не возражаете, позвольте и мне поделиться своими наблюдениями.

Орлов прошёлся по комнате.

– Вы наверняка обратили внимание, что сейчас эта замечательная семья испытывает финансовые трудности, хотя два года назад их дела шли в гору. Я смею предположить, что это связано с болезнью супруги Якова Савельевича – с туберкулёзом, на лечение которого ушли все средства. К сожалению, она так и не смогла победить болезнь, и теперь отец с дочерью вынуждены содержать эту гостиницу, едва сводя концы с концами.

Я уставился на профессора.

– Блестяще, Дмитрий Сергеевич! Но как вы могли узнать всё это? – воскликнул я. – Ведь мы провели с ними не более нескольких минут!

Орлов сделал шаг к окну и перешёл к объяснению.

– Вы, возможно, обратили внимание на пиджак хозяина, висевший на вешалке за стойкой? На внутренней стороне, чуть ниже нагрудного кармана, я увидел изящную вытянутую горизонтальную ленту из тёмно-синего шёлка с вышитой на ней буквой R – знак ателье Redfern. Приобрести одежду там могли себе позволить лишь состоятельные клиенты.

– Однако тот пиджак заметно потёрт, а на локте стоит аккуратная заплатка. Следовательно, хозяин не может себе позволить приобрести новый костюм – финансовые трудности. То, что его дочь вынуждена выполнять тяжёлую работу, о чём говорят мозоли на её руках, – лишь подкрепляет моё предположение.

Он повернулся ко мне.

– Теперь о фотографии у стойки регистрации...

– Вы про ту, на которой изображены хозяин гостиницы с женщиной, а на заднем плане – набережная с пальмами и надписью на французском?

– Всё верно. Только вот женщина одета в лёгкий курортный костюм и широкополую шляпу, но её плечи укрыты шерстяной шалью – так часто одевали больных туберкулёзом на лечебных курортах, чтобы не мёрзнуть даже в солнечную погоду. Более того, она держит в руках тросточку с маленьким сиденьем – популярную вещь для слабых пациентов при прогулках.

Профессор остановился у окна.

– А надпись на французском, как вы и сказали: Côte d'Azur, 1907. Фотография была сделана на Французской Ривьере – известном курорте для лечения туберкулёза. Это было два года назад. – Он обернулся ко мне. – Очевидно, что Яков Савельевич не жалел средств на лечение супруги, и именно это подорвало их бизнес.

– И ещё одно. На шее у Якова Савельевича висит тонкая цепочка с обручальным кольцом. Оно заметно потускнело. Это говорит о том, что жена умерла, и он снял кольцо с пальца в знак траура.

С этими словами Дмитрий Сергеевич резко хлопнул в ладоши.

– Что ж, мы проделали долгий путь, а время за полночь. Пора отдохнуть. Завтра нас ждёт собор – и, полагаю, куда более значительные открытия.

13 ИЮНЯ. СОБОР.

После скромного завтрака в гостиничной столовой, что располагалась на первом этаже, мы поднялись в номер обсудить дальнейшие действия.

– Итак, – начал профессор, разворачивая карту Уральска на столе. – Пришло время проверить, верно ли мы расшифровали послание. Помнится, в летописи речь идёт о соборе Архангела. Михайловский собор посвящён Архангелу Михаилу и стоит на берегу Яика.

Я кивнул:

– Согласен. К тому же этот храм имел для Пугачёва особое значение. Во время осады он служил крепостью, где укрывался гарнизон. И именно в нём Пугачёв венчался с Устиньей Кузнецовой.

– Прекрасно. В таком случае я думаю, именно к нему нам и следует направиться, – подытожил Орлов, обведя храм карандашом.

Михайловский собор находился на окраине, у реки Урал. Мы решили пройти пешком, чтобы как следует осмотреть город. Неспешно шагая по Большой Михайловской, мы разглядывали городские постройки. Признаюсь, я ожидал увидеть скромный провинциальный городок, утопающий в степной пыли, но Уральск предстал передо мною совсем иным.

В его облике чувствовалось слияние культур: строгая европейская архитектура переплеталась с азиатской пестротой.

Улицы были наполнены гомоном разных языков: помимо русского, слышались немецкая и тюркская речь. Рядом с привычными извозчичьими лошадьми степенно и величественно проходили верблюды, нагруженные товаром. С базарной площади доносились ароматы табака, чая, диковинных фруктов и восточных пряностей.

Повсюду сновали казаки, патрулируя улицы, при виде которых небольшие группы людей, подозрительно оглядывавшиеся по сторонам и о чём-то перешёптывавшиеся между собой, спешно расходились.

Дело в том, что казаки, заслужившие исключительное доверие Его Величества за участие в подавлении революционного движения 1905 года, по-прежнему выявляли смутьянов.

Купеческие особняки, украшенные затейливой резьбой и ажурными наличниками, чередовались с обветшалыми домишками, чьи серые стены и покосившиеся крыши едва держались на своих местах. Но именно богатство истории этого края, его бурное прошлое привлекало сюда Александра Пушкина, собиравшего материалы о Пугачёве, и Фёдора Шаляпина. Здесь же родился и вырос великий татарский поэт Габдулла Тукай.

Казалось, сам воздух здесь пропитан прошлым, а каждый камень, каждое дерево хранят в себе память о событиях тех лет.

Наконец мы вышли к величественному храму. Собор был построен из красного кирпича с белокаменной отделкой. Над его входом возвышалась звонница, увенчанная золочёным куполом.

Остановившись напротив, Орлов медленно обвёл взглядом храм, словно оценивая масштаб предстоящей задачи.

– Итак, – Орлов достал блокнот и пробежался взглядом по записи. – «У собора Яика на камне наш знак, который лишь братству под силу постичь». – Орлов обвёл взглядом стены. – Полагаю, речь идёт о каменной кладке у основания. Начнём с неё.

Чтобы не терять времени, мы разделились, каждый двигаясь вдоль своей стороны стены. Я внимательно осматривал каждый кирпич в кладке, каждый камень у основания. Я всматривался в каждую трещину, ища хоть какой-то намёк на знак.

Колокола уже пробили полдень, а мы всё продолжали поиски, не обнаружив ни малейшего следа. Солнце поднималось всё выше, пока наконец не достигло зенита. Жар стал нестерпимым, и с каждой минутой надежда таяла на глазах.

Обессилев от зноя и отчаяния, я опустился на землю в узкой полоске тени, прислонившись спиной к прохладной кладке. В этот миг, когда я уже готов был признать поражение, взгляд мой случайно остановился на одном из камней – он выделялся среди прочих более тёмным оттенком.

Я подался вперёд. В едва заметных трещинках на его поверхности угадывались какие-то очертания. Сердце забилось быстрее. Не поднимаясь, я потянулся и провёл ладонью по камню, стирая вековую пыль.

И тогда я увидел его.

Словно призрак из прошлого, на потемневшем камне проявился знакомый символ – глаз, вписанный в треугольник.

Я замер.

Это был он. Знак, который мой прапрадед оставил здесь сто тридцать шесть лет назад. Знак, ради которого мы проделали весь этот путь.

– Дмитрий Сергеевич! – вскрикнул я, вскакивая на ноги. – Вот он! Око! Знак!

Орлов поспешил ко мне. Его глаза загорелись тем самым "орловским" огоньком, который появлялся в моменты наивысшего интереса и концентрации ума.

– Отличная работа, Василий! – оживлённо воскликнул он. – Давайте же скорее узнаем, что он в себе таит.

Дмитрий Сергеевич достал из дорожной сумки заранее приготовленные молоток и небольшое зубило. Нетерпеливо, но осторожно он приставил остриё к краю камня и легонько ударил молотком. Затем снова. И ещё.

Я затаил дыхание. Звук каждого удара эхом отдавался в моей груди. Скол за сколом он извлекал камень из стены.

Наконец камень поддался и с глухим треском раскололся пополам. Внутри оказался кожаный мешочек, перетянутый бечёвкой. Развязав её, Дмитрий Сергеевич бережно извлёк оттуда небольшой бронзовый цилиндр. По его поверхности шли шесть подвижных колец с выгравированными на них латинскими буквами, а оба конца были украшены затейливым орнаментом.

– Взгляните, – профессор протянул мне цилиндр. – Весьма любопытное устройство. Насколько я понимаю, открыть его можно, лишь выставив буквы в правильной последовательности. Каждое из шести колец содержит весь латинский алфавит.

Я повернул один из дисков. Буквы плавно сменяли друг друга.

– Может, попробовать вскрыть его силой? – спросил я.

Профессор покачал головой.

– Опасно. Такие устройства обычно имеют защиту – стеклянную капсулу с едким реагентом внутри. В итальянских и венецианских архивах XVI века встречаются упоминания подобных контейнеров для секретных донесений. Любая попытка взлома разбивает капсулу, и кислота уничтожает содержимое. Вполне возможно, что и здесь применён тот же принцип.

Я снова посмотрел на кольца.

– Впрочем, идея с методом случайного подбора тоже отпадает, – я начал считать. – Двадцать шесть букв на каждом кольце... шесть колец... – Я замолчал, перебирая числа. – Триста восемь миллионов восемьсот... нет... триста восемь миллионов девятьсот тринадцать... нет... в любом случае более трёхсот миллионов комбинаций. Даже если тратить по минуте на каждую попытку, понадобилось бы около шестисот лет. Вряд ли мы располагаем таким количеством времени.

Орлов хихикнул.

– Весьма логично, коллега. В любом случае нам не обойтись без ключа. Вспомните послание: *«Сокола песнь в себе ноты хранит, что око собою способны открыть»*. Полагаю, разгадка кроется в этих словах.

Он окинул взглядом площадь перед собором.

– Что же, полагаю, здесь нам больше делать нечего. Мы и так привлекли слишком много любопытных взглядов, проведя у стен собора добрую половину дня. Да и обед нам не помешает. А посему я предлагаю вернуться в гостиницу и продолжить размышления в более спокойной обстановке.

К нашему удовольствию, вернулись мы весьма кстати – Анна как раз накрывала на стол. Жара и долгая прогулка изрядно вымотали меня. Мы уже ели вкуснейшую уху с горячим хлебом и запивали её душистым чаем.

Поднявшись в номер, Дмитрий Сергеевич положил шифровальный механизм на стол и, опустившись в кресло, откинулся на спинку.

– Итак, мой друг, – начал Орлов, – по нашим с вами предположениям, эта находка напрямую связана с некоей песней сокола. Есть ли у вас какие-нибудь догадки по этому поводу?

– Пожалуй, есть. Я обратил внимание на то, что в загадке упоминается не просто песнь, а конкретно музыкальные знаки – ноты, что око собою способны открыть. Если бы автор письма хотел сказать о чём-то абстрактном, например, о тайне, заключённой в тексте, он вряд ли стал бы прибегать к столь точной формулировке. Полагаю, это прямое указание на то, что мы должны найти именно нотную запись. Возможно, это и есть тот самый шифр, который позволит открыть этот предмет.

Профессор слегка улыбнулся.

– Блестящее наблюдение, Василий. Я полностью разделяю вашу точку зрения. А значит, настало время посетить городскую библиотеку. Где, если не там мы найдём нужный нам сборник песен?

Спустя час мы уже стояли у здания городской библиотеки. Внутри царил тишина, лишь изредка нарушаемая шорохом переворачиваемых страниц. Орлов, подойдя к седому библиотечарю, тихо попросил:

– Мне нужен общий каталог всех книг, имеющихся у вас.

– Одну минуту, сейчас принесу.

Через минуту он вернулся с потёртым от времени каталогом и вручил его нам.

– Вот, пожалуйста.

Бегло пробежавшись глазами по перечню имеющейся литературы, Дмитрий Сергеевич остановился пальцем на одном из них:

– Ага, я думаю, это оно! Вот, видите? «Песни Уральских казаков», под редакцией Александра и Владимира Железновых.

– Не могли бы вы выдать нам эту книгу? – снова обратился он к библиотечарю.

Через пару минут нужный сборник был уже у нас в руках. На обложке значилось: 1899 год – издание было совсем свежим, вышедшим всего десять лет назад.

Раскрыв её, мы склонились над страницами, внимательно изучая оглавление. Почти сразу моё внимание привлекли два произведения, в названии которых фигурировал сокол: «Какъ не яшень-то соколь» и «Солетались соколы».

Орлов задумчиво провёл пальцем по строкам.

– Любая из них может оказаться тем, что мы ищем, – негромко добавил он.

Чтобы не ошибиться, я достал свой блокнот и принялся тщательно переписывать обе песни. Работа заняла немало труда – я решил переписать не только ноты со всеми знаками, но и полностью всё, что было на странице, включая и слова песен. Орлов терпеливо ждал, изредка поглядывая на мою работу.

Когда я закончил, мы направились обратно в гостиницу.

У самого входа мы едва не столкнулись с Анной, которая выбежала из гостиницы.

– Ах, простите, – торопливо проговорила она. – Я ужасно спешу. Сегодня профессор истории Лавров Степан Иванович читает лекцию, он замечательный знаток истории нашего города. Может быть, и вам будет интересно?

Профессор едва заметно улыбнулся.

– Пожалуй, нам не помешает немного развеяться. К тому же у нас появилась прекрасная возможность узнать что-то новое о здешних местах. Мы с радостью составим вам компанию, Анна.

Около семи вечера мы были уже в небольшом зале Народного дома. Степан Иванович Лавров оказался энергичным мужчиной лет шестидесяти, высокого роста, худощавым, с аккуратно уложенной седой шевелюрой. Крючковатый нос и пронзительный, почти сверлящий взгляд, из-под очков в чёрной оправе, придавали ему сходство с хищной птицей.

Одет он был безупречно: светлый жилет, из кармана которого выглядывала тонкая цепочка карманных часов, белая рубашка, аккуратно заправленная в светлые брюки, и коричневые начищенные туфли. Но было в его внешности то, что особенно привлекало внимание – синий шёлковый шарф, изящно завязанный вокруг шеи. Этот яркий, почти неуместный аксессуар резко выделялся на фоне строгого костюма учёного.

Свою лекцию он начал с теории Дарвина, при этом широко размахивая руками, что придавало его внешности демонический оттенок. Речь его была живой, наполненной личными наблюдениями и деталями, о которых я прежде не слышал.

Перейдя от биологии к философии, он понизил голос, словно погружая слушателей в глубины своих размышлений, и процитировал Гегеля: «История – это путь развития Мирового Духа, и человечество движется к свободе».

– Всё это, господа, – продолжил он, – естественное эволюционное развитие, которое движется вместе со вселенной и является её неотъемлемой частью. Эволюция и революция – не

могут существовать друг без друга, являясь единым целым. Ведь, лишь расширяя границы изведанного, и отказываясь от привычного, мы можем открыть что-то новое, что-то по-настоящему великое. Помните, истинное величие рождается лишь в свободе.

Когда лекция подошла к концу, Дмитрий Сергеевич повернулся к нам и тихо сказал:

– Василий, Анна, возвращайтесь в гостиницу. Я подойду немного позже.

На улице уже смеркалось, и город, окутанный тусклым светом фонарей, постепенно затихал.

Какое-то время мы шли молча. Я решил первым начать разговор:

– У вас очень уютная гостиница, Анна. Видно, что о ней заботятся с душой.

Она слегка улыбнулась.

– Спасибо. Это всё благодаря папе. Он вложил в неё столько сил... – Голос её на мгновение потеплел, но затем стал тише. – Хотя сейчас ему, конечно, тяжело.

В ответ я лишь кивнул, не решаясь расспрашивать дальше – ведь мне было известно о смерти её матери.

Анна помолчала, а затем спросила:

– А ваши родители, Василий? Чем они занимаются?

Я несколько замешкался с ответом.

– Я почти не помню их. Они умерли, когда я был ребёнком.

– Простите, мне очень жаль... – смутилась Анна.

– Всё в порядке, не переживайте. Я вырос с бабушкой, и её любовь ничем не отличалась от родительской.

Она на мгновение умолкла, будто подбирая слова.

– Я ведь тоже потеряла маму. Раньше я очень любила играть на пианино, и мы даже устраивали музыкальные вечера. – Она говорила всё тише. – Но с тех пор, как её не стало, я больше не подходила к инструменту. Да и времени на это просто не осталось. Мы с папой трудимся изо всех сил, чтобы содержать гостиницу. Мамин уход сильно подорвал папино здоровье, поэтому большую часть работы по дому я взяла на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.